

Pierre Bayard

ENQUÊTE
SUR HAMLET
Le dialogue de sourds

Пьер Байяр

ДЕЛО
ГАМЛЕТА
Диалог глухих

*Перевод с французского
Дмитрия Савосина*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 821.111.09
ББК 83.3(4Вел)-8
Б18

ISBN 978-5-7516-1618-2

© Les Éditions Minit 2002
Published by arrangement with Lester Literary Agency
© ИД «Текст», издание на русском языке, 2020

Жерому Ландону

Еще не успев доехать до Сандерленда, я, сам того не желая, прочитал вашу статью с полдюжины раз и с первой строчки понял, что рожден дать на нее ответ.

*Джон Довер Уилсон.
Чтобы понять Гамлета*

Гамлет

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Акт первый. Действие происходит в Эльсиноре, в Дании. Придворные офицеры уговорили Горацио, друга принца Гамлета, выйти на террасу королевского дворца, чтобы он своими глазами увидел привидение, в котором они узнали тень старого Гамлета — прежнего короля Дании, умершего при загадочных обстоятельствах (сцена 1). В парадной зале дворца Клавдий, нынешний датский король и брат покойного монарха, вместе с вдовой последнего, королевой Гертрудой, на которой он совсем недавно женился, просит норвежских послов выяснить у владыки их страны, что задумал его племянник Фортинбрас, ведущий войско на Данию. Он принимает прошение Лаэрта, сына его советника Полония, — тот ходатайствует о путешествии во Францию, — и просит Гамлета оставить свои мечты о возвращении в Виттенбергский университет (сцена 2). Лаэрт же прощается со своей сестрой Офелией, советуя ей не принимать ухаживаний Гамлета, и с их старым отцом — Полонием. Отец также рекомендует Офелии остерегаться Гамлета (сцена 3).

Гамлет, предупрежденный Горацио, приходит на террасу дворца и видит там привидение (сцена 4). Призрак, отведя его в сторонку, в беседе с глазу на глаз подтверждает, что он действительно тень его отца, и говорит, что старый Гамлет был убит — ему, спящему, влили в ухо яд — своим братом Клавдием, который взял в жены его супругу и завладел тронном. Он просит сына отомстить за него. Гамлет заставляет друзей поклясться, что все увиденное они сохранят в тайне, и заявляет им, что намерен прикинуться безумным (сцена 5).

Акт второй. Полоний просит одного из своих прислужников проследить за Лаэртом в Париже. Офелия признается ему, что она в ужасе от того, как ведет себя с нею Гамлет. Полоний наставляет ее в том, как она должна относиться к любви принца, и решает поговорить об этом с королем (сцена 1). Теперь и Клавдий, в свой черед, тоже делится с Гертрудой и двумя советниками — Розенкранцем и Гильденстерном — своими тревогами насчет странного поведения Гамлета. Норвежские послы успокаивают его: король-де принял Фортинбраса, отменил планы нападений на Данию и приказал обратить войско против Польши. Полоний предлагает Клавдию устроить свидание Гамлета с Офелией, чтобы они могли тайно подсмотреть за ними. Полоний, а затем и Розенкранц и Гильденстерн встречаются с Гамлетом; тот несет что-то бессвязное. Приезжает труппа актеров, которых Гамлет просит сыграть фрагмент пьесы, основанной на рассказе Энея Дидоне. После этого он требует, чтобы на следующий день они сыграли пьесу под названием «Убийство Гонзаго», с ее помощью рассчитывая устроить ловушку для Клавдия (сцена 2).

Акт третий. Гамлет и Офелия встречаются, за ними следят Клавдий и Полоний. Гамлет оскорбляет девушку (сцена 1). Он объясняет актерам, как надо играть пьесу, а потом просит Горацио последить за реакцией Клавдия. Весь двор присутствует на представлении «Убийства Гонзаго», которому предшествует пантомима. Пьеса изображает убийство, совершенное при таких же обстоятельствах, что и рассказанные принцу Гамлету призраком его отца. В момент убийства на сцене Клавдий в гневе встает и покидает зал. Гамлету видится в этом подтверждение его виновности (сцена 2). Клавдий поручает Гильденстерну и Розенкранцу сопровождать Гамлета в Англию. Тот застаёт Клавдия во время молитвы — короля терзают угрызения совести после совершенного им братоубийства. Сперва принц колеблется — он готов убить короля прямо сейчас; но потом отказывается от этого (сцена 3). Следуя совету Полония, принц приходит в спальню к матери. Услышав шорох за ковром, протыкает ковер шпагой и некстати убивает Полония, притаившегося там. Затем грубо разговаривает с матерью, обвиняя ее в том, что, выйдя замуж за Клавдия, она оскорбила память об отце. Его взору опять предстает призрак старого Гамлета (сцена 4).

Акт четвертый. Клавдий и Гертруда встревоженно обсуждают поведение Гамлета (сцена 1). Гильденстерн и Розенкранц требуют от Гамлета признания — что тот сделал с Полонием (сцена 2). Клавдий упрекает его — ведь принц совершил убийство — и требует уехать в Англию, при этом отправляя туда же письмо, в котором просит короля этой страны казнить племянника (сцена 3). Гамлет в пути встречает войско Фортинбраса, проходящее через Данию на пути в Польшу (сце-

на 4). Клавдий и Гертруда принимают Офелию, сошедшую с ума. Лаэрт, вернувшись из Парижа, требует от Клавдия ответа — от чего умер его отец. Тот уверяет его в своей невиновности (сцена 5). Горацио получает послание от Гамлета, тот сообщает, что во время плавания в Англию бежал от напавших пиратов (сцена 6). Клавдий, узнав, что Гамлет жив, предлагает Лаэрту устроить меж ними мошенническую дуэль, чтобы тот мог отомстить. Становится известно о гибели Офелии — она утопилась (сцена 7).

Акт пятый. На кладбище два могильщика обсуждают смерть Офелии. Входят Гамлет и Горацио; Гамлет находит череп Йорика, королевского шута. Входят Клавдий, Гертруда и Лаэрт, следом вносят гроб с телом Офелии, и только сейчас Гамлет узнает о ее гибели. Увидев, как Лаэрт оплакивает сестру, стоя в могильной яме, он дает себя узнать, и Лаэрт бросается на него (сцена 1). Гамлет рассказывает Горацио, как на борту корабля прочел письмо Клавдия с просьбой казнить его. Он заменил его другим письмом, обрекавшим на смерть Гильденстерна и Розенкранца. Придворный по имени Озрик приносит ему вызов на дуэль от Лаэрта. Она происходит на глазах у всего двора. Гертруда случайно отпивает из бокала с отравленным напитком, который Клавдий приготовил для Гамлета. Лаэрт ранит Гамлета, потом они невольно меняются рапирами в бою. Гамлет ранит Лаэрта, и тот сразу же признается, что острия рапир смазаны ядом. Тогда Гамлет убивает короля и умирает на руках у Горацио в тот самый момент, когда входят Фортинбрас и его армия, — они возвращаются из Польши как победители (сцена 2).

ПОЕЗД НА САНДЕРЛЕНД

В ноябре 1917 года некий инспектор Министерства просвещения из Лидса едет на поезде в Сандерленд, где собирается вести переговоры с главами местных профсоюзов. В руках у него — еще не распечатанное письмо; он вскрывает его и погружается в чтение. Внутри большого квадратного конверта — последний номер «The Modern Language Review», ежеквартального журнала, посвященного студиям по вопросам литературы и филологии — как средневековых, так и современных. Статьи, открывающей этот номер, суждено будет изменить и жизнь путешественника, которого зовут Джон Довер Уилсон, и судьбу исследований творчества Шекспира.

В Европе самый разгар войны; и хотя министерские поручения помогли Джону Доверу Уилсону избежать участия в битвах, он, подобно большинству англичан, озабочен военным положением на континенте. В поездах, где из-за его инспекторских миссий проходит вся его жизнь, он читает главным образом газеты, публикующие сводки с разных фронтов. С трудом сосредоточиваясь на всем том, что не имеет прямого от-

ношения к войне, он, как сам заметит позднее*, пребывает в опасном психологическом состоянии человека, рискующего в любой момент обратиться в другую веру, внезапно влюбиться по уши или впасть в безумное буйство. И ожидают его в точности три этих удела.

Статья, перевернувшая жизнь Джона Довера Уилсона, написана специалистом по Шекспиру Уолтером Уилсоном Греггом. Заметки этого автора касаются части «Гамлета», казалось бы, до смешного второстепенной — сцены пантомимы из третьего акта. Как мы все помним, Гамлет просит труппу бродячих актеров сыграть театральную пьесу, изображающую убийство его отца, — «Убийство Гонзаго», чтобы понаблюдать за реакцией Клавдия, предполагаемого убийцы, который поспешно покидает зал во время представления. А представлению у Шекспира предшествует пантомима, рассказывающая ту же самую историю, и как раз она-то и привлекла внимание Грега.

Ибо кое-что не сходилось в этой сцене с пантомимой, кое-что такое, что можно пропустить мимо ушей, на целые годы оставив без внимания, — но если рассмотреть его в нужном контексте, оно способно ослепить и навсегда потрясти душу. Это нечто столь до непомерности поразительное, что остается лишь удивляться: почему за прошедшие долгие века никто этого не заметил и не задался простейшим вопросом, как такое неправдоподобие назвать.

Впрочем, то, что заметил Грег, выходит далеко за рамки сцены с пантомимой. На самом деле это

* Джон Довер Уилсон. Чтобы понять Гамлета. См.: John Dover Wilson. Pour comprendre Hamlet. Enquête à Elsenaur. Seuil. 1988 (1-re edit. 1935), p. 34.

вся структура мышления, какую мы привыкли видеть в «Гамлете», и его интрига, представляющая совершенно преобразившейся. Начиная с самых знаменитых и наименее спорных эпизодов пьесы, которые выглядят совсем в ином свете, — если взглянуть на них после прочтения статьи Грега и сделанных им выводов.

И вот что стоит за таким новым прочтением — предметом для переосмысления тут выступает весь свод критических инструментариев, данных нам для чтения, вплоть до познания того, что означает сам процесс прочитывания. Ибо становится понятно, что тот же самый текст, в котором не изменено ни единой буквы, может быть прочитан совершенно иначе, и такое прочтение превращает его в совершенно иной текст, рассказывающий другую историю, прожитую другими персонажами.

Можно понять Довера Уилсона, который, разматывая клубок неумолимой аргументации Грега, почувствовал в тот самый день, как весь мир вокруг него в одночасье рухнул. Через восемнадцать лет, все еще потрясенный прочитанным, напишет нижеследующие строки тому, кто вверг его в состояние шока, в письме-предисловии к книге, целиком посвященной опровержению этих аргументов:

Еще до прибытия в Сандерленд я перечел вашу статью с полдюжины раз и с первого же мгновенья знал: я рожден, чтобы ответить на нее. Но каким именно должен быть мой ответ, мне еще не было вполне ясно. В те времена я знал «Гамлета» не лучше обычного среднего читателя. Но ваша теория жгла «как лихорадка, впущенная в кровь», и я страшился только одного: как бы кто-нибудь другой не опередил меня, вмешавшись, чтобы скрестить с вами шпаги прежде, чем я успею на вас накинуться.